

ДИАЛЕКТНЫЕ ЧАСТИЦЫ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА: СЕМАНТИКА И ФУНКЦИИ

Мадина Раилевна Валиева

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Уфа, Россия

E-mail: valieva_1979@list.ru

Аннотация. Статья посвящена функционально-семантическому описанию частиц караидельского говора северо-западного диалекта башкирского языка. В качестве примеров были использованы полевые материалы и транскрибированные аудиозаписи автора, собранные во время экспедиций в Караидельском районе Республики Башкортостан в 2022–2023 гг. Целью экспедиций были изучение современного состояния говора и анализ морфологических показателей устной разговорной речи носителей данного ареала. В ходе обработки полевых материалов было выявлено частое употребление в речи информантов различных частиц, которые передают эмоциональное отношение к обсуждаемым событиям, происшествиям, состоянию и действиям того или иного субъекта или объекта. Сравнительно-сопоставительное исследование диалектных форм с частицами литературного (письменного) башкирского языка дало возможность классифицировать их в семантическом аспекте. В разговорной речи специфичные диалектные частицы дополняют значение той или иной лексемы, их основная функция заключается в выражении дополнительного смыслового оттенка слова. По происхождению частицы караидельского говора можно разделить на исконные, восходящие к древнетюркскому состоянию, и заимствованные, которые вошли в башкирский разговорный язык из русского в течение вековых языковых контактов. Помимо этого, в статье рассмотрена история изучения частиц, выявлено, что некоторые диалектные частицы разговорной речи наблюдаются в других тюркских языках (кыпчакских, огузских, карлукских, сибирских и т.п. группах).

Ключевые слова: караидельский говор, башкирский язык, частица, семантика, заимствование.

Цитирование: Валиева М.Р. Диалектные частицы башкирского языка: семантика и функции // Известия УФИЦ РАН. Серия: История. Филология. Культура. 2024. Т. 1. № 2. С. 148–155. DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.2.003>

Благодарности. Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-00570-24-01 на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов

DIALECT PARTICLES OF THE BASHKIR LANGUAGE: SEMANTICS AND FUNCTION

Madina R. Valieva

Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

E-mail: valieva_1979@list.ru

Abstract. This article is devoted to the functional-semantic description of particles of the Karaidel subdialect of the northwestern dialect of the Bashkir language. As examples, field materials and transcribed audio recordings of the author, collected during an expedition to the Karaidel region of the Republic of Bashkortostan in 2022, 2023, were used in order to study the current state of dialect and analyze the morphological indicators of speakers' oral speech of this area. During the processing of field materials, the frequent use of various particles

in the speech of informants was revealed, which convey an emotional attitude towards the events, incidents, state and actions of a particular subject or object under discussion. A comparative study of dialect forms with particles of the literary (written) Bashkir language made it possible to classify them in a semantic aspect. Since in colloquial speech specific dialect particles complement the meaning of a particular lexeme and thus their main function is to express an additional semantic connotation of the word. Based on their origin, particles of the Karaidel subdialect can be divided into original ones, dating back to the ancient Turkic state, and borrowed ones, which entered the Bashkir spoken language from the Russian language during centuries-old language contacts. It is noteworthy that some dialect particles of vernacular are observed in other Turkic languages (Kypchak, Oguz, Karluk, Siberian, etc. groups) and are not the literary norm of the Bashkir language. In addition, the article briefly examines the centuries-old history of the study of particles of the Bashkir language. The academic grammatical tradition, dating back to antiquity, considers particles according to the following meanings, which we have supplemented with new dialect materials: 1. Interrogative particles *-мы, -ме, -мо, -мө*. These particles of the Bashkir language are always written together. 2. The restrictive particles *ғына, генә, кына, кенә* distinguish this or that object or subject from others and are written separately. 3. Particles of doubt *зар, -зыр, -зер*, conveying uncertain assumptions, inaccuracy regarding an ongoing event, action, phenomenon, object. It should be noted that in the dialects of the northwestern dialect of the Bashkir language, particles of uncertainty and assumptions have only three variants *-зар, -зыр, -зер*, in contrast to the literary 4-variant affixation: *-зар, -зер, -лар, -лер, -дар, -дәр, -тар, -тәр*. 4. The particles of request *-сана, -сәнә, -сы, -се, -со, -сө, әле*, expressing exhortation, appear with verbs in the form of the imperative mood. The first two forms are used very rarely; mainly in dialects, requests are expressed in forms in *, -сы, -се, -со, -сө* and *әле*. 5. Particles of confirmation with a tinge of surprise and annoyance, expressing the emotional state of the speaker: *забаса, зәбәсә, даса, дәсә, даса(уы), дәсә(уы), дабаса, дәбәсә, табаса, тәбәсә, лабаса*. 6. Intensifying particles *ук, үк, иң, нык, за, зә, да, дә, та, тә, ла, лә* enhance the meaning of the information expressed. The constant use of particles with the interdental voiced consonant *за, зә*, conveying additional semantic shades to certain parts of speech, is a specific feature of the Karaidel dialect of the northwestern dialect of the Bashkir language and is observed only in the Bashkir language among other Turkic languages. 7. The next specific function word of this dialect is the affirmative dialect particle *кый, кей* in the meaning ‘after all; So; Yes’. So, dialectal data of the Bashkir language can serve as valuable material for comparative historical studies of Turkic languages, since the dialects of the Bashkir language have morphological facts for comparison with the languages of both the Kipchak and Bulgar, Oguz, Karluk and Siberian groups. Moreover, the dialects of the Bashkir language have many features that distinguish this language from other Turkic languages, so dialect materials can be a source of some important data for clarifying a number of questions on the history of the Turkic languages.

Keywords: Karaidel dialect, Bashkir language, particle, semantics, borrowing.

Citation. Valieva, M.R., 2024, “Dialectal particles of the Bashkir language: semantics and function”, *Proceedings of the UFRC RAS. Series: History. Philology. Culture*, vol. 1, no. 2, pp. 148–155. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.2.003>

Acknowledgements. This study was carried out within the framework of the state assignment of the UFRC RAS No. 075-00570-24-01 for 2024 and for the planning period of 2025 and 2026

Введение

Диалектные данные башкирского языка могут служить ценным материалом для сравнительно-исторических исследований тюркских языков, так как в диалектах башкирского языка имеются морфологические факты для сравнения с языками как кыпчакской, так и болгарской, огузской, карлукской и сибирской групп. Более того, диалекты башкирского языка имеют много особенностей, выделяющих этот язык из среды остальных тюркских языков, поэтому диалектные материалы могут стать источником некоторых важных данных для выяснения ряда вопросов по истории тюркских языков.

В данной статье рассматривается особая группа служебных слов – частицы – в караидельском говоре северо-западного диалекта башкирского языка (*далее* – СЗДБЯ). В 2022–2023 гг. научными сотрудниками отдела прикладной лингвистики и диалектологии ИИЯЛ УФИЦ РАН были проведены экспедиционные выезды в Караидельский район Республики Башкортостан, автором данной статьи собрано более 500 диалектных текстов у жителей населенных пунктов Караидель, Старый Багазы, Нижние Балмазы, Старый Акбуляк, Новый Акбуляк, Якупово, Халилово, Юлдашево, Шамратово, Сабанкуль, Новый Бердяш, Кантон, Атяш, Караяр, Абдуллино, Кадиси, Мата, Дюртюли, Карыш-Елга, Юрюзань. Основная цель заключалась в сборе живой разговорной речи носителей караидельского говора по специально составленной программе для изучения устного народного языка данного ареала

в фонетико-морфологическом аспекте. В ходе сбора лингвистического материала и расшифровки полевых аудиозаписей выявлено, что в данном говоре имеется ряд фонеморфологических отличий от литературного (письменного) башкирского языка. В этом отношении особо выделяются частицы, которые являются морфологически неизменяемой служебной частью речи и придают словам, словосочетаниям или предложениям дополнительные смысловые или эмоциональные оттенки. Их основная функция заключается в усилении смысла или выделении слова в потоке речи, которые связаны с отношением говорящего к происходящим событиям или явлениям.

История изучения частиц в башкирском языкознании

Первые сведения и научное изучение частиц башкирского языка относятся к началу XX в. Например, в 1903–1904 гг. в Будапеште публикуется работа венгерского ученого Вильмоша Преле «Исследования по башкирскому языку» в журнале «Keleti Szemle» [Pröhle, 1903; 1904], в которой дано общее описание фонетики и морфологии языка башкир, а частицы как служебная часть речи лишь упоминаются. В 1933 г. публикуется учебник А.А. Мансурова «Грамматика. 1 кизәк. Морфология: Урта мәктәп өсөн дәреслек», где также даются небольшие сведения о частицах для изучающих морфологию башкирского языка [Мансуров, 1933]. Особое внимание частицам башкирского языка уделено в известном в тюркологии труде Н.К. Дмитриева «Варваризмы в башкирской речи», который был издан в 1930 г. в «Записках коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик» [Дмитриев, 1930]. В этой публикации автор представил большое количество русизмов, собранных из живой разговорной речи зауральских башкир, среди которых содержатся и анализируются значения многочисленных иноязычных частиц.

В 1940–1950-е гг. начинают появляться фундаментальные исследования по грамматике башкирского языка, именно в это время тюрколог Н.К. Дмитриев и его ученики стали интенсивно исследовать проблемы башкирской морфологии и синтаксиса. В 1948 г. издается «Грамматика башкирского языка» Н.К. Дмитриева, в которой представлен теоретически обобщенный научный материал, дается краткая характеристика употребления частиц, выделяются 8 их разновидностей [Дмитриев, 1948. С. 129]. В «Сравнительной грамматике русского и башкирского языков» Р.Н. Терегуловой и К.З. Ахмерова исследуются основные вопросы грамматики башкирского языка, в том числе рассматривается данная служебная часть речи в сопоставительном аспекте с русскими частицами [Терегулова, Ахмеров, 1953]. Помимо этого, в 1960 г. опубликована монографическая работа Б.С. Саяргалиева «Башкорт телендә ярзамсы һүззәр», где представлено описание частиц и других служебных слов башкирского языка [Сәйәргәлиев, 1960].

В 1964 г. в Блумингтоне (США) увидела свет книга известного американского тюрколога Николаса Поппе, посвященная грамматике башкирского языка «Bashkir manual. Descriptive grammar and texts with a Bashkir-English glossary». В этой описательной грамматике частицы башкирского языка классифицируются и в семантическом аспекте подразделяются на 8 разновидностей [Poppe, 1964. С. 59].

В 1960–1970-е годы углубленная разработка основных вопросов морфологии и грамматических категорий подробно излагалась в трудах Дж.Г. Киекбаева, Н.Х. Ишбулатова, М.В. Зайнуллина и многих др., где затронуты также вопросы описания частиц как неотъемлемой части разговорной речи.

В 1980-е гг. издавались многочисленные научные труды по исследованию отдельных вопросов современного состояния морфологии башкирского языка, защищались кандидатские диссертации. Например, по исторической морфологии башкирского языка публикуется книга А.М. Азнабаева и В.Ш. Псянчина (1976), в которой представлено происхождение некоторых частиц. Диалектные частицы рассмотрены также в монографиях Н.Х. Максютовой и С.Ф. Миржановой.

В 1981 г. появляется полное и обобщенное исследование по грамматике башкирского языка под редакцией А.А. Юлдашева, написанное коллективом известных башкирских лингвистов. До сих пор данный труд является одним из образцов обобщения теоретических исследований по башкирскому языку в тюркологии. В этой грамматике более расширенно дается теоретическая характеристика понятия «частица» [Грамматика..., 1981].

В последние годы появились новые диссертационные исследования, посвященные частным вопросам морфологических категорий башкирского языка. Так, в докторской диссертации Х.В. Султанбаевой (2008) изучены семантические особенности частиц и различные подходы к их классификации. Автор считает, что «частицы – служебные слова, придающие отдельным словам, членам предложения или предложению в целом различные смысловые, эмоциональные и модально-экспрессивные оттенки. Особый отличительный признак частиц – их безударность. Они не самостоятельны, не выполняют функции членов предложения. Синтаксические функции частиц – выражение отношения говорящего к содержанию высказывания. Частицы плохо поддаются классификации вследствие многообразия выражаемых ими значений. Нередко одна и та же частица передает разнообразное содержание, и тем она является сложной и многогранной единицей языка и с трудом поддается классификации на основе

традиционных подходов. Частицы в известной мере полисемантичны, значения отличаются друг от друга порой только оттенками, во многом зависят от контекста, речевой ситуации. В современном башкирском литературном языке выделяются следующие основные разряды частиц: 1) модальные; 2) указательные; 3) определительно-уточняющие; 4) вопросительные; 5) ограничительно-выделительные; 6) усилительные; 7) отрицательные [Султанбаева, 2008. С. 40–49]. Описание частиц представлено также в «Грамматике башкирского языка», которая вышла в 2018 г. в 3-х томах. Во втором томе кратко и емко излагается весь грамматический строй башкирского языка, и каждая часть речи анализируется по трем основным критериям (семантический, морфологический, синтаксический) [Грамматика..., 2018]. Таким образом, в башкирском языкознании частицы как служебная часть речи нашли отражение в трудах по морфологии А.М. Азнабаева, М.В. Зайнуллина, Н.Х. Ишбулатова, Дж.Г. Кисебаева, Н.Х. Максютковой, С.Ф. Миржановой, В.Ш. Псянчина, Х.В. Султанбаевой, в грамматиках Н.К. Дмитриева, А.А. Юлдашева, Николаса Поппе, М.Г. Усмановой и в различных учебниках.

Классификация диалектных частиц караидельского говора

В классификации частиц в грамматиках тюркских языков, а также в трудах по морфологии и учебных пособиях для вузов и сузов, нет единообразия. Все исследования и классификации о частицах тюркских языков были обобщены в трудах А.М. Щербака «Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (наречие, служебные части речи, изобразительные слова)» [Щербак, 1987] и систематизированы в последнем издании Б.А. Серебренникова и Н.З. Гаджиевой «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» [Серебренников, Гаджиева, 2010]. Их подходы основываются на анализе привносимых экспрессивных и модальных оттенков, однако в классификации частиц караидельского говора башкирского языка мы за основу взяли семантический подход авторов «Грамматики современного башкирского литературного языка» под редакцией А.А. Юлдашева, который дополнили новыми диалектными материалами:

1. Вопросительная частица *-мы (-ме, -мо, -мө)*. Данная частица башкирского языка пишется всегда слитно. Например, *беренсеме?* ‘первый ли?’; *кайттымы?* ‘вернулся ли?’ и т.п. В говорах башкирского языка вопросительные частицы могут выражать конкретность, четкость вопроса: *Әйтмәзем?* ‘Разве не сказал?’ и т.п. Помимо этого, могут быть формы с вопросительным местоимением *ни*: *Барзымы ни?* ‘Сходил, что ли?’ *Әйтмәзем ни?* ‘Не сказал, что ли?’ и т.п. В сочетании со вспомогательным глаголом *икән* может означать неуверенность, неопределенность и сомнение в происходящем или правильность того или иного объекта или субъекта: *Шушымы икән?* ‘Этот ли?’ *Уфазамамы икән?* ‘В Уфе ли?’ и т.п. В составе выражения *-мы (-ме, -мо, -мө) ни, -мы (-ме, -мо, -мө) икән ни* = *микән* и т.п. представляют риторический вопрос: *Үткәннәрзе кайтарып буламы ни?* ‘Разве можно воротить прошлое?’ *Бер юлы ике койрок тотоп була микән?* ‘Разве можно поймать два хвоста одновременно?’ и т.п.

2. Частица сомнения *-зыр (-зер)* передает неуверенное предположение, неточность в отношении происходящего события, действия, явления, предмета. Следует отметить, что в говорах северо-западного диалекта башкирского языка частица неуверенности и предположения имеет два основных варианта *-зыр, -зер* в отличие от литературной 4-вариантной формы: *-зыр, -зер, -лыр, -лер, -дыр, -дер, -тыр, -тер*: *Алмаганзыр* ‘не взял, наверное’; *бирмәгәннәрзер* ‘не дали, наверное’; *төшөп калганзыр* ‘выпал, наверное’; *яңгыр булазыр* ‘будет дождь, наверное’; *ызбазазыр* ‘дома, наверное’ и т.п.

3. Частицы просьбы *-сана, -сэнә, -сы, -се, -со, -сө, әле*, выражающие увещевание, выступают при глаголах в форме повелительного наклонения. Первые две формы используются очень редко, в основном в говорах просьбу выражают формы на *-сы, -се, -со, -сө* и *әле*: *тик тор әле* ‘ну стой же смиренно’; *бирсе* ‘ну дай же’; *алып кайтсы* ‘привези, пожалуйста’; *матур ғына итеп фотога төшөрсө* ‘пожалуйста, красиво сфотографируй’ и т.п. Исходя из контекста, эти же показатели могут представить оттенок сожаления: *китсе-китсе, болмас* ‘невозможно, не может быть’; *юксы-юксы, алай болмаска тейеш изе* ‘нет-нет, не могло быть так’ и т.п.

4. Частицы подтверждения с оттенком удивления и досады, выражающие эмоциональное состояние говорящего, пишутся раздельно: *забаса, зәбәсә, дабаса, дәбәсә, табаса, тәбәсә, лабаса, заса, зәсә, даса, дәсә, даса(уы), дәсә(үе)*: *күргән дәсә* ‘увидел же’; *күрөп калган даса(уы)* ‘увидел же’; *уйламаганда жомдорган дабаса* ‘неожиданно ударил же’, *әйтмәзе зәсә* ‘не сказал же’ и т.п.

5. Ограничительная частица *ғына (генә, кына, кенә)* выделяет тот или иной объект или субъект среди других и пишется раздельно. *Апам ғына белә изе* ‘Только моя сестра знала об этом’. *Әтей генә түгел инде, башкалар за кайтмазы* ‘Не только наш отец, но и другие не вернулись’ и т.п. Полевые материалы автора, относящиеся к данному говору, показывают, что диалектные вопросительные и ограничительные частицы совпадают с их литературными формами в башкирском языке.

6. Усилительные частицы *ук, үк, за, зә, да, дә, та, тә, ла, лә* усиливают смысл высказанной информации: *Бая ук китте!* ‘Уже давно ушел!’ *Хәзер үк кайт!* ‘Сразу же (прямо сейчас) возвращайся!’ *Анда әсәеүлек эшләгәннән аларның бер тулқы за булмазы* ‘Никакого толка не было от того, что там

создали посевные поля' и т.п. Данные усилительные частицы также пишутся отдельно и представляют различные экспрессивно-эмоциональные оттенки подтверждения и уверенности говорящего. Ср. примеры:

(1) *Аның ишимәсе әле ҙә нитен йата // сығып* 'Его родник до сих пор это // течет'.

(2) *Ишеткән йуук анзый сүзне ҙә //* 'Не слышал // даже такого слова';

(3) *Йолмос булдымы һезҙә? Әле ҙә бар / ахыры //* 'Был у вас деревянный лоток? Да, и (даже) сейчас имеется, кажется'.

В представленных примерах наблюдаются частицы *за, ҙә*, которые переводятся на русский язык в двух значениях и выполняют две функции: 1) частица *даже*, используемая при выделении или при усилении значения слова или словосочетания, к которому относится; 2) союз *и*, который соединяет однородные члены предложения и простые предложения в сложное, выражая перечисление однородных предметов, признаков или качеств, одновременность или последовательность действий. Элементы предложений, соединенные этим союзом, взаимно дополняют друг друга.

Постоянное употребление частиц *за, ҙә* с интердентальной звонкой согласной, придавая дополнительные смысловые оттенки определенным частям речи, является спецификой караидельского говора СЗДБЯ и среди прочих тюркских языков наблюдается только в башкирском языке. Подобные усилительные частицы в литературном (письменном) башкирском языке выражаются 4 фонетическими вариантами: *ла // лә* – после гласных, *та // тә* – после глухих согласных, *да // дә* – после звонких согласных, *за // ҙә* – после фонем й, у, ү, ҙ, р. Однако данные варианты частицы, имеющие в своем фонетическом строении специфическую межзубную фонему башкирского языка [з], активно бытуют в живой разговорной речи носителей северо-западного диалекта. Например: *Минем әтейем укытыусы булып эшләзе // азың исеме ҙә Мөгәллим //* 'Мой папа работал учителем. Даже его имя – Мугаллим (означает «учитель»)'. В данном предложении притяжательное местоимение *азың 'его'* и усилительная частица *ҙә 'даже'* используются иначе, чем в литературной норме. Ср.:

караид. азың – лит. *уның 'его'*;

караид. исеме ҙә – лит. *исеме дә 'даже его имя'*.

В караидельском говоре диалектные частицы *за, ҙә* употребляются также в роли союза *и*, соединяющего перечисления: *Урысы за былды / татары за былды / сиканы за былды //* 'И русские были, и татары были, и цыгане были'. *Сугыштан әтей ҙә, абый за кайтмазы* 'С войны не вернулись ни отец, ни брат'. *Анама за, миңә ҙә эләкте* 'получили и сестра, и я' и т.п.

Таким образом, в данном говоре в интервокальной позиции используется межзубная фонема *з*. Такое фонавление наблюдается как в составе служебных, так и самостоятельных частей речи. Например, в формировании отрицательных форм глаголов прошедшего времени в составе аффиксов всегда произносится специфичный консонант башкирского языка *з* вместо сонорного консонанта *н* литературного (письменного) языка: *бармазы* – лит. *барманы* 'не ходил', *укымазы* – лит. *укымань* 'не читал', *эшләмәзе* – лит. *эшләмәне* 'не работал', *әйтмәзе* – лит. *әйтмәне* 'не сказал' и т.п.

Таким образом, активное употребление специфической интердентальной фонемы [з] в составе усилительных частиц *за, ҙә* и в глагольных окончаниях прошедшего времени придает особый характер звучанию речи в этом языковом ареале.

7. В изучаемом говоре используется специфичное служебное слово – утвердительная диалектная частица *кый, кей* в значении 'ведь; так; да'. Например, *әйтте кый* 'сказал ведь'; *бармазы кый* 'не ходил ведь'; *үззем йөрөтә изем дә, бирмәй кей миңә рулда малайым* 'сама водила раньше, но ведь сын теперь не отдает мне руль'; *Карткисәк – төптән башкырт ауылы кый* 'Ведь деревня Карткисяк издревле является башкирской' и т.п. В других говорах башкирского языка вместо этой частицы чаще употребляется русская заимствованная частица *бит*, образованная от слова *ведь*. Основная функция данных частиц заключается в передаче уверенности и убеждений собеседника.

Частица *кый (кей)* в значении 'ведь; так; да' наблюдается в киргизском, казахском, каракалпакском, татарском языках, то есть данная утвердительная частица *кый (кей // куй // кой // гоий)* распространена в кыпчакских языках тюркской языковой семьи. В карлукских языках, таких как узбекский, уйгурский, наблюдается разновидность *ку // ку // гу*. В караидельском говоре башкирского языка данная частица также выражает предположение: *алды кый* 'кажется, взял', *сыкты кый* 'кажется, вышел' и т.п.

Большинство частиц, передающих оттенки утверждения, одобрения, выделения, являются исконными и употребляются в караидельском говоре издавна. Некоторые из них восходят к древнетюркскому периоду, распространены во многих современных тюркских языках, а в башкирском языке считаются диалектными частицами просторечия. Например, все формы вопросительной частицы восходят к древнетюркской форме **ти*; усилительные частицы также имеют древнетюркские корни *ук<*оq, үк<*өk*, ограничительные частицы *гына, генә, кына, кенә* образованы от древнетюркских односложных форм **уи, *gü*; появление усилительных частиц *за, ҙә, да, дә, та, тә, ла, лә* связано с древнетюркским

союзом **ta*. А.Н. Кононов происхождение некоторых из них сводит к общеалтайскому состоянию [Кононов, 1980. С. 207].

Частицы по функциональности близки к модальным словам и союзам. В семантическом аспекте они занимают промежуточное положение между модальными словами, союзами, аффиксами. Например, частицы, выражающие неуверенное предположение (*-зыр, -зер, -дыр, -дер*), вопрос (*-мы, -ме, -мо, -мө*), просьбу (*-сана, -сәнә, -сы, -се, -со, -сө*), пишутся слитно как аффиксы и добавляются после всех морфологических показателей слова, к которому относятся. См. примеры:

Таблица 1

частицы предположения		
л.	ед. ч.	мн.ч.
1	<i>барганмондыр у</i> ‘возможно, съездил’ <i>түләгәнмендер у</i> ‘возможно, заплатил’	<i>барганбыздыр у</i> ‘возможно, съездили’ <i>түләгәнбездер у</i> ‘возможно, заплатили’
2	<i>баргансыңдыр</i> ‘возможно, съездил’ <i>түләгәнсеңдер</i> ‘возможно, заплатил’	<i>баргансыгыздыр</i> ‘возможно, съездили’ <i>түләгәнсегездер</i> ‘возможно, заплатили’
3	<i>баргандыр</i> ‘возможно, съездил’ <i>түләгәндер</i> ‘возможно, заплатил’	<i>баргандарзыр</i> ‘возможно, съездили’ <i>түләгәндәрзер</i> ‘возможно, заплатили’

Таблица 2

вопросительные частицы		
л.	ед. ч.	мн.ч.
1	<i>барга(н)монмы</i> ‘съездила ли я?’ <i>түләгә(н)менме</i> ‘заплатила ли я?’	<i>барга(н)бызмы</i> ‘мы съездили ли?’ <i>түләгә(н)безме</i> ‘мы заплатили ли?’
2	<i>барга(н)соңмы</i> ‘съездил ли ты?’ <i>түләгә(н)сеңме</i> ‘заплатил ли ты?’	<i>баргансыгызмы</i> ‘вы съездили?’ <i>түләгәнсегезме</i> ‘вы заплатили?’
3	<i>барганмы</i> ‘съездил ли он?’ <i>түләгәнме</i> ‘заплатил ли он?’	<i>барга(н)дармы</i> ‘съездили ли они?’ <i>түләгәндәрме</i> ‘заплатили ли они?’

Таблица 3

частицы просьбы и намерения		
л.	ед. ч.	мн.ч.
1	<i>барайымсы</i> ‘съезжу-ка’ <i>түләйемсе</i> ‘заплачу-ка’	<i>барйыксы</i> ‘съездим-ка’ <i>түләйексе</i> ‘заплатим-ка’
2	<i>барсы</i> ‘съезди-ка’ <i>түләсе</i> ‘заплати-ка’	<i>баргыссы</i> ‘съездите-ка’ <i>түләгессе</i> ‘заплатите-ка’
3	<i>барсынсы</i> ‘пусть съездит’ <i>түләсенсе</i> ‘пусть заплатит’	<i>барсындарсы</i> ‘пусть съездят’ <i>түләсендәрсе</i> ‘пусть заплатят’

В данном говоре частицы предположения и вопроса не подчиняются закону сингармонизма, также нарушается губная гармония (см. Таблицы 1, 2) в формах 1, 2-го лица единственного числа. В третьей таблице частицы просьбы и намерения присоединяются к глаголам в форме повелительного наклонения, и действие относится к будущему времени. В этой же таблице глаголы первого лица выражают намерение и даны в форме побудительного наклонения. Помимо этих разрядов частиц (предположения, вопроса, просьбы) остальные частицы (удивления и досады, утверждения, усиления, ограничения) пишутся раздельно. На письме часто допускается неправильное оформление частиц удивления и досады, когда их пишут слитно со словом, к которому они относятся.

Таблица 4

частицы удивления и досады		
л.	ед. ч.	мн.ч.
1	<i>баргайным да(ба)са</i> ‘съездил же’ <i>түләгәйнем дасә</i> ‘заплатил же’	<i>баргайнык та(ба)са</i> ‘съездили же’ <i>түләгәйнек тасә</i> ‘заплатили же’
2	<i>баргансың да(ба)са</i> ‘съездил же’ <i>түләгәнсең дасә</i> ‘заплатил же’	<i>баргансыгыз да(ба)са</i> ‘съездили же’ <i>түләгәнсегез дә(бә)сә</i> ‘заплатили же’

3	<i>барған да(ба)са</i> ‘съездил же’ <i>түләгән дәсә</i> ‘заплатил же’	<i>барғандар за(ба)са</i> ‘съездили же’ <i>түләгәндәр зәсә</i> ‘заплатили же’
---	--	--

Заклучение

В статье рассмотрена история изучения частиц башкирского языка и существующие их классификации, основанные на функционально-семантическом аспекте. При систематизации диалектных частиц караидельского говора была использована академическая грамматика под редакцией А.А. Юлдашева, в которой представлен наиболее полный перечень разрядов частиц. В данной работе мы выделяем 7 смысловых разрядов частиц: вопросительные частицы *-мы, -ме, -мо, -мө*; частицы сомнения *-зар, -зыр, -зер*; частицы просьбы *-сана, -сэнә, -сы, -се, -со, -сө, әле*, частицы подтверждения с оттенком удивления и досады *забаса, зәбәсә, даса, дәсә, даса(уы), дәсә(уы), дабаса, дәбәсә, табаса, тәбәсә, лабаса*; ограничительные частицы *ғына, генә, кына, кенә*; усилительные частицы *ук, үк, за, зә, да, дә, та, тә, ла, лә*; утвердительные диалектные частицы *кый, кей, бит*. В целом, эти служебные слова вносят различные эмоциональные и семантические оттенки в предложения или помогают образовывать полную семантику слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Грамматика башкирского языка: в 3-х томах. Т. II. Морфология* / Отв. ред. Х.В. Султанбаева. Уфа: Китап, 2018. 312 с. (на башк. яз.).
- Грамматика современного башкирского литературного языка* / Отв. ред. А.А. Юлдашев. М.: Наука, 1981. 495 с.
- Дмитриев Н.К.* Варваризмы в башкирской речи // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук Союза Советских Социалистических Республик. Том IV. Ленинград: Изд. АН СССР, 1930. С. 73–105.
- Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. М.; Л.: Изд. Академии наук СССР, 1948. 276 с.
- Древнетюркский словарь.* Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Закирьянов К.З.* Сопоставительная грамматика русского и башкирского языков. Уфа: Гилем, 2004. 227 с.
- Зәйнуллин М.В.* Хәзерге башкорт әзәби теле: Морфология. Өфө: БДУ, 2002. 388 б. (на башк. яз.).
- Ишбулатов Н.Х., Зәйнуллин М.В.* Хәзерге башкорт әзәби теле. Фонетика. Морфология. Өфө, 1986. 155 б. (на башк. яз.).
- Киекбаев Дж.Г.* Современный башкирский язык. Уфа: БГУ, 1966. 146 с.
- Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–XI вв. Л.: Наука, 1980. 255 с.
- Мансуров А.А.* Грамматика. 1 китеп. Морфология: урта мәктәп өсөн дәреслек. Өфө, 1933. 94 б. (на башк. яз.).
- Серебрянников Б.А., Гаджиева Н.З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 304 с.
- Султанбаева Х.В.* Служебные слова в системе частей речи башкирского языка. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2008. 55 с.
- Сәйәргәлиев Б.С.* Башкорт телендә ярзамсы һүзәр. Өфө, 1960. 106 б. (на башк. яз.).
- Терегулова Р.Н., Ахмеров К.З.* Сравнительная грамматика русского и башкирского языков. Уфа, 1953. 208 с.
- Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (наречие, служебные части речи, изобразительные слова). Л.: Наука, 1987. 149 с.
- Roppe N.N.* Bashkir manual. Descriptive grammar and texts with a Bashkir-English glossary. Bloomington, 1964. 181 p. (на англ. яз.).
- Pröhle V.* Bashkir nuelvtanulmanyok // Keleti Szemle. T. IV. Budapest, 1903. Pp. 194–214; T. V. Budapest, 1904. Pp. 228–271. (на венгерск. яз.).

REFERENCES

- Ancient Turkic dictionary.* Nauka, Leningrad, 1969, 676 p. (In Russ.)
- Dmitriev, N.K. 1930, “Barbarisms in Bashkir speech”, *Notes of the Board of Orientalists at the Asian Museum of the Academy of Sciences of the Union of Soviet Socialist Republics*, vol. IV. Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Leningrad, pp. 73–105. (In Russ.)
- Dmitriev, N.K. 1948, *Grammar of the Bashkir language*. Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Moscow, Leningrad, 276 p. (In Russ.)

- Grammar of the Bashkir language: in 3 vol. Vol. II. Morphology.* Kitap, Ufa, 2018. 312 p. (In Bash.)
- Grammar of the modern Bashkir literary language.* Nauka, Moscow, 1981. 495 p. (In Russ.)
- Ishbulatov, N.X., Zaynullin, M.V. 1986, *The modern Bashkir literary language. Phonetics. Morphology.* BSU, Ufa, 155 p. (In Bash.)
- Kiekbaev, J.G. 1966, *Modern Bashkir language.* BSU, Ufa, 146 p. (In Bash.)
- Kononov, A.N. 1960, *Grammar of the language of Turkic runic monuments of the 7th-9th centuries.* Nauka, Leningrad, 256 p.
- Mansurov, A.A. 1933, *Grammar. P. 1. Morphology: for secondary schools.* Ufa, 94 p. (In Bash.)
- Poppe, N.N. 1964, *Bashkir manual. Descriptive grammar and texts with a Bashkir-English glossary.* Bloomington, 181 p. (In Eng.)
- Pröhle, V. 1903–1904, “Bashkir nuelvtanulmanyok” *Keleti Szemle*, vol. IV. Budapest, 1903, pp. 194–214; vol. V. Budapest, 1904, pp. 228–271. (In Hang.)
- Sayargaliev, B.S. 1960, *Function words in the Bashkir language.* Ufa, 106 p. (In Bash.)
- Serebrennikov, B.A., Gadzhieva, N.Z. 2010, *Comparative-historical grammar of the Turkic languages.* Book house “Librocom”, Moscow, 304 p. (In Russ.)
- Shcherbak, A.M. 1987, *Essays on the comparative morphology of Turkic languages (adverbs, auxiliary parts of speech, figurative words).* Nauka, Leningrad, 149 p. (In Russ.)
- Sultanbaeva, Kh.V. 2008, *Function words in the system of parts of speech of the Bashkir language: abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Philology.* BSU, Ufa, 55 p. (In Russ.)
- Teregulova, R.N., Akhmerov, K.Z. 1953, *Comparative grammar of Russian and Bashkir languages.* Ufa, 208 p. (In Russ.)
- Zakiryaynov, K.Z. 2004, *Comparative grammar of Russian and Bashkir languages.* Gilem, Ufa, 227 p. (In Russ.)
- Zaynullin, M.V. 2002, *The modern Bashkir literary language: Morphology.* BSU, Ufa, 388 p. (In Bash.)

Сведения об авторе

Мадина Раилевна Валиева, кандидат филологических наук, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Российская Федерация, г. Уфа. E-mail: valieva_1979@list.ru, ORCID: 0000-0002-4549-3553

Information About the Author

Madina R. Valieva, Cand. Sc. (Philology), Order of the Badge of Honour of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, the Russian Federation, Ufa. E-mail: valieva_1979@list.ru, ORCID: 0000-0002-4549-3553